

И именно в этот миг, когда огромный ворон, очертив по темнеющему серому небу несколько кругов, сел ему на голову — не боясь, не прячась, просто чтобы взять своё, самое дорогое, его глаза, — только тогда Баарнс почувствовал неминуемое приближение конца. Сил не осталось, даже чтобы двинуть головой. И вороны когти, острые и деловито впившиеся в лобную кость, чувствовались иглами, вспарывающими кожу. Рыбьи иглы для вышивки, какие были у матери — не к добру Баарнс вспомнил её, она отдала ему вышитый на тряпице знак оберега и обещала проклясть душу, если он не вернётся из Дал Риады с мешком золота за спиной и живым. И вот жизнь вытекала прямо сейчас из отрубленной пониже плеча руки. Толчками, тупо пульсируя не болью даже, а её отголоском. Настоящей боли, всепоглощающей, сводящей с ума, от которой совсем недавно он скулил, как течная сука, больше не было. Пальцами другой руки он до сих пор сжимал свой боевой топор, и те словно слиплись с кожаной рукоятью, пропитанной чужой кровью, не двигались, не хотели подчиняться приказам уплывающего разума. Мутило от вони свершившейся бойни, когда чистая кровь мешалась с дерьмом из вспоротых кишок, и всё лилось вниз, впитывалось в перемешанную сапогами траву и влажную от дождей землю. Издалека ещё несло гарью сожжённых тел — ирландцы, сучьи дети, сжигали своих павших где-то там, у вала. Но дым и пепел, бывший когда-то живыми телами, долетал и до него, оседая на лице и волосах, не давал нормально дышать.

Ворон медлил. Баки Баарнс заворуженно моргнул — зрение покидало его вместе с кровью, мутилось алой рваной бахромой по краям. Слепнувшим взглядом он встретился с чёрными внимательными блестящими глазами ворона, и тот изучающе повернул голову набок, словно выбирая и решая, который глаз ему взять первым. И Баки знал как никто другой, что закрывать глаза и жмуриться бессмысленно. Клюв ворона тяжёлый и острый, веки для него не помеха — вытянет глаз вместе с глазными нитями в один удар. Баки не раз видел, как вороны выклёвывали у умирающих печень прямо через кожу, выдирая кусками у ещё живых и чувствующих людей. И тогда на миг что-то шевелилось внутри него. Что-то очень маленькое, странное, холодное и скользкое, как пиявка, что-то, словно давным-давно забытое за ненужностью. Что-то, что побуждало взять длинный нож и пробежаться по полю, перерезать им всем глотки — чтобы не чувствовали и не орали так истошно.

Лишать воронов их доли он не собирался. У всех своя роль в битве и после неё, думал он тогда.

Сейчас он лежал полумёртвый посреди других уже воняющих тел, и на его голове, на спёкшихся от крови волосах, короной самой Смерти сидел ворон и смотрел на него, и примерялся к его глазу.

Тучи, стекавшие со всех краёв неба, потемнели дочерна и налились грозowymi сполохами. Баки вздрогнул не от удара грома, — а когда первая крупная капля тяжёлым холодным ударом упала ему на щеку. Он широко распахнул глаза, набрал в грудь воздуха из последних сил — и заорал. Истошно, страшно, чем-то сладковато-терпким булькая в глотке. Ворон, расправив крылья, лениво слетел с него и приземлился неподалёку на более спокойное, еще не остывшее мёртвое тело.

С этим последним, диким криком из него вышла и жизнь. Он прикрыл глаза и начал прислушиваться к раскатам грома и тому, как неверно, тихо стучит в этом шуме его сердце. Ливень обрушился на лицо и глаза стеной, прибывая гарь и пепел, но мешая дышать ещё сильнее. Баки Баарнсу стало всё равно. Он давно не чувствовал тела и приготовился умереть.

И только тогда почувствовал, что мир под ним вдруг пришёл в движение, заскользил и захлюпал. Боль в руке расцвела с новой силой. Молнии светлыми пятнами забирались под веки, гром бил прямо по голове, оглушая, но уже не пугая его. Баки Баарнс улыбнулся, не открывая глаз. Теперь он знал, как умирают настоящие воины пиктов.

<http://erolate.com/book/3459/83600>